

— Хм? — Лейтон посмотрел на юношу сверху вниз. — Ты можешь закончить то, что хотел сказать.

Юноша и без того был в ярости на графа Эделя, а теперь к этому добавилась ещё и физическая боль, так что он не мог и не хотел скрывать свои истинные мысли.

Фэнь свирепо уставился на мужчину:

— Ладно! Я скажу: ты просто дурак и слепец! Даже моя лошадка Элис ни за что не стала бы на кого-то набрасываться!

На виске у Лейтона дёрнулась жилка. Он внезапно нагнулся и протянул руку, унизанную перстнями с драгоценными камнями.

Эта рука отражалась во влажных глазах юноши, становясь всё больше и больше.

Чёрт!

Переборщил!

Юй Бай решил, что тот собирается его ударить, и в страхе скрестил руки перед лицом, крепко зажмурившись. Как ни крути, только не по лицу!

Но ожидаемой боли всё не было; вместо этого вдруг возникла тяга за шиворот. Юй Бай понял: Лейтон решил поднять его за воротник?!

Одежда натянулась, ткань рубашки спереди впилась в горло, и Юй Бай разрывался между мыслями «этот пёс Лейтон хочет меня задушить!» и «старший брат хочет помочь мне встать?». В итоге ему пришлось подчиниться этой силе и подняться.

Юй Бай осторожно молчал.

А вот Лейтон был несколько удивлён.

Потому что для только что достигшего совершеннолетия юноши этот вес был слишком лёгким. Его глубокие глаза впились в ещё по-детски нежное лицо Фэня, на мгновение задержались на покрасневшем подбородке, и голос стал глубоким.

— Ступай в свою комнату, мне нужно поговорить с отцом.

Юй Бай: ...И всё? И всё?! Пригласили послушать, так надо было бы заплатить сверхурочные!

С этого ужина Юй Бай изображал озабоченного и раздражительного юношу, что ещё больше укрепило Эделя в пренебрежении к нему. Юй Бай был доволен.

Единственным недостатком было то, что каждый раз, когда он входил в роль, Лейтон смотрел

на него с выражением, полным невысказанных слов, отчего мурашки бежали по коже.

День открытия Теологической академии неумолимо приближался.

Однажды утром Юй Бай, переодевшись в удобную для движений одежду, надевал в комнате длинные чулки, когда вдруг ворвался Лейтон и швырнул на стол карту, а поверх неё — купчую.

— Это одно из моих поместий, о нём не знают родители. Если не хочешь в Теологическую академию, я отправлю тебя туда. Хотя оно не такое большое, как то, где ты жил раньше, но на всю жизнь тебе хватит, чтобы не знать нужды, и будут слуги.

— Мне не нужна твоя жалость! — Юй Бай на мгновение замер, опуская руку с чулком, и незаметно убрал ногу со стула. В мгновение ока он словно переменился, посмотрел на Лейтона с недоверием: — Какая у тебя цель?

Лейтон усмехнулся. Он не мог сказать, нравится ему этот бастард или нет.

Просто каждый раз, видя эти готовые заплакать глаза, он странным образом не чувствовал к Нилю такого отвращения, как к другим бастардам, а хотел что-то сделать, чтобы тот был счастлив.

Но, похоже, он лишь тешил себя иллюзиями.

Ссора с отцом, нарушение его приказа — Лейтон считал, что этого достаточно. Он сделал для этого бастарда больше, чем сам от себя ожидал.

— Если ты согласен принять волю отца, как хочешь.

Лейтон развернулся и вышел.

Юй Бай взял купчую со стола и изучил её. Оказалось, что это поместье, хоть и уступало Помещью Роз по площади, но по уровню безопасности, окружению и удобству транспорта было примерно таким же.

«Продать такое поместье — это, наверное, разорило Лейтона дотла?» — ведь тот ещё не унаследовал титул и состояние графа Эделя, у него вряд ли было много денег.

— А ты вернёшь её ему? — спросила Система, полагая, что Юй Бай должен быть тронут.

— Ха-ха-ха-ха-ха-ик, — Юй Бай посмеялся над наивностью Системы, быстро сложил купчую в аккуратный квадратик размером с ладонь, натянул остроносые кожаные туфли и стал искать, куда её спрятать. — То, что дано Фэню, какое отношение имеет ко мне, Юй Бай? Спросишь — три раза предупрежу: не видел, не спрашивай, не знаю.

Система: «...»

Юй Бай долго искал подходящее место, но не нашёл. Он скоро уезжал; прятать купчую в комнате графского особняка — разве это не пустая трата? Лучше уж носить её при себе — вдруг в Теологической академии пригодится и облегчит жизнь.

«Мой старший брат, оказывается, человек с горячим сердцем под холодной внешностью... Жаль, но я должен ехать в Теологическую академию, придётся отвергнуть его доброту».

—

Теологическая академия находилась ближе к дворцовому району. От Графства Либэн до неё нужно было добираться ещё несколько дней, но безопасность была гораздо выше, поскольку оба места были в аристократических кварталах, и редко слышали о нападениях магических зверей на знать.

Юй Бай уезжал, взяв с собой только Мелвилла.

Когда до Академии оставалось полдня пути, впереди слышались тихие стоны.

Мелвилл нахмурился:

— Господин, кажется, это человек.

Фэнь поднял голову, наивно и эгоистично, во взгляде не было ни капли сочувствия, только досада:

— Мел, мы не можем поехать другой дорогой?

Мелвилл серьёзно объяснил:

— Если объезжать, будет слишком далеко, потеряем целый день. Господин, не бойтесь, если будет опасность, я вас защищу.

На самом деле Юй Бай не то чтобы не хотел спасать, просто над головой висел дамоклов меч ООС.

Он намеренно подменил вопрос «спасать ли» на «менять ли дорогу», и Мелвилл отлично подыграл: причин не менять дорогу было более чем достаточно, и отказаться было нельзя.

— Ну ладно... Надеюсь, этот человек ещё сможет встать на колени и извиниться передо мной.

— Юноша вздохнул. — Он отнял у меня драгоценное время.

— Господин шутит.

Они вышли из кареты, прошли около десятка метров и увидели в придорожных кустах лежащего на земле мелкого аристократа, а рядом мужчину, который вытаскивал из груди

этого аристократа тёмно-фиолетового извивающегося червя.

Юй Бай: — Чёрт!!!

Система: — Чёрт!!!

Мелкий аристократ был как-то неважен, главное — этот забрызганный кровью мужчина: золотые волосы, бирюзовые, как горный ручей, глаза, могучее телосложение и соблазнительные мышцы под одеждой.

Это же Сэньбань?!!!

Извивающееся существо в руках Сэньбаня было толщиной примерно с руку Юй Бая, без головы, только с одного конца имело поперечную щель — видимо, рот.

Оно, похоже, почувствовало, что его вырвали из тёплой влажной полости, и в ярости широко раскрыло рот, обнажив частокол острых зубов. Эти зубы с крючками, казалось, уходили прямо в желудок, в щелях застряли тёмно-красные кусочки плоти — похоже, внутренности аристократа.

Юй Бай не знал, есть ли у этой твари желудок, но это не мешало ему чувствовать тошноту.

Фу —

— Сэньбань! Что это за дрянь? Убей её!

Сэньбань, едва появился юноша, не сводил с него глаз.

На пути от Кандингстона до Графства Либэн он ещё не мог полностью убрать лозы в тело, поэтому лишь тайно охранял обоз Фэня, не давая магическим зверям напасть.

Когда обоз прибыл в Графство Либэн, Сэньбань проводил юношу до графского особняка и на время исчез на несколько дней.

А теперь он наконец полностью восстановил человеческий облик:

— Как пожелаете, господин.

Сэньбань смотрел на ещё более яркое лицо юноши, облизнул губы. Пальцы с отчётливыми суставами сжались — червяк словно рассыпался в фарш, упав на землю, оставив повсюду кровавые брызги.

«Господин?» — Мелвилл нахмурился. Неужели этот свирепый мужчина знаком с господином Фэнем?

И что это за взгляд — будто он хочет сожрать господина.

Но сейчас у Мелвилла не было времени размышлять. Он снял перчатку, проверил температуру и пульс мелкого аристократа, заглянул ему под веки и с сожалением сказал:

— Безнадёжно. Даже если бы здесь был священник, спасти не удалось бы.

Это же очевидно!

Юй Бай ничуть не удивился такому ответу!

Такая толстая тварь ползает внутри, пожирая внутренности — разве обычный человек может выжить?

Мелвилл, убедившись, что мелкий аристократ мёртв, снял окровавленную перчатку и посмотрел на Сэньбана:

— Господин Фэнь, вы знакомы с этим господином?

Фэнь вспомнил события в Поместье Роз и недовольно ответил:

— Какой он господин? Он всего лишь низкий Охотник на магических зверей. Тогда он испачкал мои вещи и пробыл в Поместье Роз год. Кстати, когда ты приехал за мной, его не было, поэтому ты его не видел.

— Вот как, — Мелвилл не собирался дискриминировать Сэньбана по статусу, но они направлялись в Теологическую академию. — В таком случае, господин, как вы хотите поступить с Сэньбанем?

— Это... Мне нужно подумать...

Юноша, словно озадаченный этим вопросом, нахмурил светлые брови, поколебался.

Сэньбань был удивлён: Фэнь не стал сразу кричать и требовать его смерти, а действительно размышлял, оставить ли его при себе...

Неужели из-за действия лекарства Фэнь не помнит, кто овладел им той ночью?

Нет, не то.

Даже если Фэнь не помнит ту ночь, судя по его обычному отвращению и страху, он немедленно велел бы ему убираться! Теперь у него есть Мелвилл в помощниках, он не стал бы унижаться, как в Поместье Роз.

Значит, с Фэнем что-то случилось в графском особняке, что заставило его отчаянно нуждаться в силе, чтобы ощутить безопасность?

— Сэньбань, ты станешь меня слушаться? И больше не будешь обижать?

Фэнь прикусил губу. Его губы были красивой формы — маленькие, изящные, чуть ромбовидные, и в любое время года они оставались ярко-красными, сочнее, чем помада знатных девиц.

Сэньбаню было жаль видеть его в затруднении.

Мужчина присел на корточки, снял с уже остывшей руки мелкого аристократа кольцо и вытащил из его одежды несколько писем.

Бумага была наполовину пропитана кровью, но почерк ещё можно было разобрать; в том числе нашлись документы, удостоверяющие личность.

— На этом кольце выгравирован дворянский герб. Думаю, этот несчастный господин, появившийся здесь в такое время, направляется туда же, что и вы, господин? — Сэньбань надел кольцо на свой палец.

На серебряной оправе сиял изумруд, под ним отчётливо виднелся сложный герб.

— ... Ты хочешь выдать себя за него?

— Верно. Тогда вам, господин, не придётся бояться, что я причиню вам вред: стоит меня разоблачить — и в Академии найдутся люди, которые помогут вам со мной справиться.

Фэнь наконец улыбнулся после встречи с Сэньбанем.

Утончённый юноша сбросил маску агнца, в его тёмных, как виноградины, глазах затаилась злоба. Он протянул руку, мило улыбаясь, и надавил на кадык Сэньбаня, чувствуя, как тот непрерывно дёргается.

Фэнь знал — это признак страха, и был доволен.

— Я всё ещё твой господин, и ты будешь подчиняться всем моим приказам, верно, Сэньбань?

Мужчина изо всех сил сдерживал желание притянуть Фэня в объятия, поцеловать его, смять губы этого ядовитого цветка в пламенно-красный цвет, хотел даже съесть юношу по кусочкам, видя, как тот плачет и молит о пощаде.

— ... Да, господин. Сэньбань готов отдать вам всё, — будь то плоть или душа.

— Но плата за то, что ты дразнишь безумца, — это окованные крылья. Золотая канарейка больше не сможет покинуть свою золотую клетку.

Мелвилл поклялся, что на одно мгновение увидел, как за спиной Сэньбаня разливается... нечто ужасное...